

A young man with dark hair, wearing a blue and white plaid shirt over a dark t-shirt, is sitting in a field of tall green grass and yellow wildflowers. He is looking down with a somber expression. In the background, there is a large, dilapidated wooden house with a steep, shingled roof that appears to be in a state of decay. The house has several windows, some of which are boarded up or broken. The surrounding area is overgrown with vegetation, and the sky is blue with scattered white clouds.

Тайны СНТ

Руслан Пустота

Руслан Пустота

Тайны СНТ

«Автор»

2026

Пустота Р.

Тайны СНТ / Р. Пустота — «Автор», 2026

Студент Илья получает в наследство домик в СНТ от бабки Лиды — странной старухи, которая разговаривала сама с собой и которую побаивались все соседи. В письме она просит об одном: «Поживи там неделю. Потом решишь». Первые дни в «Берёзке-2» текут неторопливо: рыбалка, разговоры с соседями, пиво у магазина. Но после того как Илья находит на чердаке старую фотографию — на ней бабка держит в руках странную книгу, а на обороте выведено «Книга ушла на остров» — всё меняется. Однажды утром он просыпается от тишины. Нет триммеров. Нет голосов. Соседи исчезли — прямо с недопитым чаем и открытой кассой в магазине. Единственное живое существо в мёртвом посёлке — эрдельтерьер по кличке Амализель. Собака смотрит так, будто ждала его всю жизнь.

© Пустота Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Руслан Пустота

Тайны СНТ

Глава

СОННЫЙ ПАРАЛИЧ

Илья открыл глаза.

Нет, не так. Он *понял*, что видит, но веки не слушались. Тело было тяжёлым, чужим, будто налитым бетоном. Он лежал на спине, смотрел в потолок общажной комнаты — знакомое водяное пятно в углу, трещина от люстры к стене, отслаивающаяся краска.

Всё было как обычно. Но что-то было не так.

Он попытался пошевелить пальцами. Ничего. Пальцы не отозвались. Он попробовал повернуть голову — шея замерла, будто кто-то держал её с двух сторон ледяными ладонями.

Сонный паралич, — подумал он вяло. — *Опять. Сейчас пройдёт.*

Это случилось раньше. Раз в полгода, перед сессией или после тяжёлой ссоры. Механизм был знаком: тело спит, мозг проснулся, ты заперт в собственной плоти. Обычно это длилось секунд тридцать, не больше. Илья научился не паниковать. Ждать. Дышать. Считать про себя.

Один. Два. Три.

Но на счёте «четыре» произошло то, чего не случалось никогда.

Потолок вдруг стал дальше.

Илья не понял сначала, что происходит. Просто ощутил странную лёгкость в груди — как будто что-то отпустило, разжало хватку. А потом он *отделился*.

Это невозможно описать словами, но он попробовал бы, если б умел. Представьте, что вы — масло, которое медленно вытекает из бутылки. Или дым, который ищет щель. Или вода, просачивающаяся сквозь трещину в стекле.

Он не упал. Не взлетел. Он просто оказался *там* — в углу комнаты, напротив кровати.

И увидел себя.

Илья лежал на кровати. Руки вдоль тела, лицо бледное, глаза закрыты. Губы чуть приоткрыты, как у спящего. Грудь поднималась и опускалась — медленно, слишком медленно, будто сердце билось раз в десять секунд.

С этой стороны — из угла, откуда он смотрел сейчас — комната выглядела иначе. Острые углы стали острее. Тени под кроватями соседей — гуще, почти чернильными. А воздух... воздух был холодным. Не как в помещении зимой, а как в подвале, где никто не открывал дверь много лет.

Илья попытался сделать шаг. У него не было ног — не в привычном смысле. Было что-то вроде вектора, направления. Он мог *хотеть* переместиться, и это желание сдвигало его на несколько сантиметров. Медленно. Тяжело. Как будто он шёл по дну океана, а над ним — сотни метров воды.

Он сделал ещё одно «движение». Ещё.

И тогда страх пришёл.

Не от того, что он видел. А от того, что *не видел*.

В комнате никого не было. Соседи спали: Стёпа в наушниках, поджав колени к груди; экономисты разметались каждый на своей кровати. Всё было обычным. Но Илья *чувствовал*.

Это похоже на момент, когда вы идёте по тёмному лесу и вдруг замираете — потому что знаете: кто-то смотрит. Не видите, не слышите, но спина холодеет, волосы на затылке встают дыбом, а внутри всё кричит: *беги*.

Здесь было то же самое, только в сотню раз сильнее.

Что-то приближалось.

Оно не имело формы. Не шумело. Не пахло. Оно просто *становилось ближе* — и по мере того, как оно приближалось, мир терял цвета. Стенка шкафа стала серой, потом почти чёрной. Кровать Стёпы превратилась в бесформенный силуэт. Даже собственное тело, лежащее на кровати, начало растворяться в темноте.

Илья понял: оно его *видит*.

Раньше, когда он был в теле, оно, может быть, просто проходило мимо. Ощупывало границы, как слепой ощупывает стену, и двигалось дальше, не находя входа. Но сейчас он был *снаружи*. Он стал доступен.

Досягаем.

Страх обрушился на него не волной — цементом. Он заполнил всё, чем Илья был в этом странном состоянии. Не было ни мыслей, ни памяти, ни надежды. Было только одно: *вернуться. Сейчас же. Пока не поздно*.

Он рванулся к кровати.

Но движение давалось так, будто он плыл сквозь патоку. Каждый сантиметр — усилием, от которого не существовало мышц. Он кричал — беззвучно. Он рвался — без рук. Он молился — без слов.

Сзади, там, где было Оно, темнота сгустилась настолько, что стала почти твёрдой.

Илья не оборачивался. Он знал: если увидит — не вернётся.

Он плыл. Медленно. Невыносимо. Сквозь толщу воды, которая с каждой секундой становилась плотнее. Сквозь вату, которая забивала уши, рот, глаза. Сквозь ледяной холод, который проникал в самую суть.

Ещё немного.

Ещё.

Краем сознания он почувствовал, как темнота за спиной *дотронулась* до него. Не больно. Не страшно. Просто — коснулась, как проверяют: настоящий ли? Можно ли взять?

Илья сделал последнее усилие — такое, после которого не остаётся сил даже на крик.

И рухнул в тело.

Он почувствовал, как входит обратно, как тяжёлая плоть принимает его, как пальцы на руках становятся его пальцами, как лёгкие наполняются воздухом.

Он открыл глаза.

Резко, широко, как ныряльщик, который вынырнул на поверхность, глотая ртом кислород.

Тело слушалось. Руки дрожали. Вся футболка была мокрой от пота — насквозь, хоть выжимай. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь в висках.

В комнате было светло. За окном — утро, воробьи, гул мусоровоза. Стёпа на соседней кровати спал в наушниках. Экономистов не было — ушли на ночёвку к девушкам.

Илья сел, обхватил голову руками и долго сидел так, пока дыхание не выровнялось.

Он не плакал. Он просто сидел и смотрел в угол комнаты.

Туда, где минуту — или вечность? — назад был он сам.

В углу было пусто. Только старый рюкзак, брошенный вчера, и пыльный башмак, который никто не убирал полгода.

Но Илья знал.

Он знал, что в этой комнате *что-то* было. И что это *что-то* теперь знает о нём.

Пора уезжать, — подумал он. — *Куда угодно. Хоть к этой сумасшедшей бабке на дачу. Лишь бы не здесь*.

Он встал, скинул мокрую футболку, пошёл в душ.

В голове стучала одна мысль, которую он не мог объяснить:

Оно искало меня. Не нашло тогда. Найдёт в следующий раз.

Он не знал, что следующего раза не будет — потому что в следующий раз он будет не в городе. Он будет там, где стены тоньше, а тишина глубже.

Он будет в СНТ «Берёзка-2».

ГЛАВА 1. НАСЛЕДСТВО

1.

Он сидел на кровати, обхватив голову руками, и ждал, когда сердце перестанет выпрыгивать из груди.

Прошло три минуты. Или десять. Он не считал. Футболка прилипла к спине, простыня под ним промокла насквозь. За окном горел серый рассвет, за стеной кто-то храпел — монотонно, надсадно, как будто ему снилось что-то тяжёлое.

Сонный паралич, — повторил он про себя, как мантру. — Просто сонный паралич. Ничего сверхъестественного. Научно доказанное явление.

Он читал об этом в интернете. Атонический сон. Рассогласование между пробуждением мозга и выходом из фазы быстрого сна. Тело ещё спит, разум уже проснулся. Галлюцинации. Чувство присутствия постороннего. Дыхание, шаги, тени.

Никакой мистики. Только нейробиология.

Тогда почему он до сих пор дрожит?

Илья поднял голову и посмотрел в угол комнаты.

Там ничего не было. Старый рюкзак, пыльный кроссовок, скрученный удлинитель. Самое обычное место, где скапливался хлам, до которого ни у кого не доходили руки.

Но он мог поклясться — сейчас, сию секунду, в этом углу было темнее, чем должно быть. Не тень от шкафа, не утренний полумрак. А именно *темнее*. Как будто кусочек пространства выпитал весь свет, сжался в точку и ждал.

— Это просто игра воображения, — сказал он вслух. Голос прозвучал хрипло, чужо.

Он встал. Ноги дрожали, но держали. Скинул мокрую футболку, бросил её в таз с грязным бельём. Вытащил из шкафа чистую — серую, с логотипом группы, на которую отец водил его в девятом классе.

Отец.

Мысль об отце кольнула где-то под рёбрами. Илья замер на секунду, потом натянул футболку через голову.

Надо было идти умываться. Надо было завтракать. Надо было жить дальше, будто ничего не случилось.

2.

Общага на Дзержинского просыпалась медленно.

Кто-то уже гремел кастрюлями в конце коридора. Пахло дешёвым кофе и сигаретным дымом — несмотря на запрет, курили прямо в туалетах, и запах тянулся по всей вентиляции. Пол под ногами был холодным, линолеум вздулся пузырями у самой двери.

Илья умылся ледяной водой, долго смотрел на своё отражение в мутном зеркале. Бледное лицо, круги под глазами, взгляд испуганный, какой-то слишком прозрачный.

— Ты нормально выглядишь, — сказал он отражению. — Это просто ночь была плохая.

Отражение не ответило.

Соседи по комнате ещё спали. Стёпа — геодезист, вечно в наушниках — свернулся калачиком на своей кровати, обняв подушку. Илья иногда завидовал его способности отключаться от мира. У Стёпы всегда был включён какой-то режим «не беспокоить», даже когда он стоял в очереди за хлебом.

Экономистов, Андрея и Паши, не было — ушли вчера к девушкам, должны были вернуться только к вечеру. Их кровати были аккуратно застелены, на столике стояла бутылка дешёвого вина, недопитая.

Илья поставил чайник, заварил растворимый кофе — без сахара, просто чтобы согреться. Сел за свой стол, включил ноутбук.

Пятница. Пар в десять. Сопромат и строительная механика. День, который не предвещал ничего необычного.

За два дня до этого он был у матери. Сидели на кухне, она жарила картошку, он чистил вторую партию. За окном смеркалось, в доме пахло луком и старым деревом.

— Слушай, мам, — сказал он тогда. — Ты никогда не рассказывала про папиных родственников. Кроме деда, я никого не знаю.

Мать замерла над сковородой. Лопатка зависла в воздухе.

— А чего про них рассказывать? Голос её стал осторожным. — Жили себе. Кто умер, кто уехал.

— А женщина какая-то была. Странная. Я в детстве слышал обрывки разговоров.

Мать положила лопатку, выключила газ. Повернулась к нему.

— Бабка Лида, что ли?

— Не знаю имени. Просто помню, как папа с кем-то говорил по телефону и сказал: «Она опять про книгу эту твердит».

Мать села напротив. Достала пачку сигарет — хотя бросила курить лет пять назад.

— Бабка Лида, — сказала она. — Двоюродная сестра твоего деда. Жила в СНТ у реки. Говорили, она... с силами зналась.

— Ведьма, что ли?

— Не знаю. Не люблю это слово. Она лечила людей. Травами, заговорами. К ней возили детей, которых врачи не могли вылечить. Кто-то говорил — помогает. Кто-то — что она просто псих.

— А папа? Он к ней ездил?

Мать затянулась, выпустила дым в форточку.

— Ездил. За год до смерти. Сказал — спину проверить. Вернулся — странный стал. Замкнутый. Молчаливый. Я спрашивала, что случилось — отмалчивался.

— А про книгу?

— Я ничего про книгу не знаю. — Мать потушила сигарету, встала. — Но бабка Лида, когда ты родился, приезжала смотреть на тебя. Привезла какой-то чёрный камешек с дыркой. Сказала: «Пусть носит, от лиха оберегает». Я в мусорку выбросила.

— Зачем?

— Потому что она была не в себе. И я не хотела, чтобы её бред касался тебя.

Илья тогда промолчал. Но разговор засел в голове.

А теперь он сидел в общаге, пил остывший кофе и смотрел на экран ноутбука.

Он проверил почту.

Среди спама, рассылки с AliExpress и уведомления о задолженности за интернет было одно письмо. Жёлтый конверт, пришедший по обычной почте — кто вообще сейчас этим пользуется? — и каким-то образом оказавшийся в его электронном ящике?

Нет. Не так.

Илья помотал головой. Он перепутал. Письмо было реальным, бумажным. Вахтёрша тётя Валя передала его вчера вечером, когда он возвращался из магазина. Он сунул конверт в карман джинсов, а потом забыл.

Он полез в карман куртки, висевшей на спинке стула.

Конверт был там.

Жёлтый, плотный, с обратным адресом, написанным твёрдым, почти чертёжным почерком: *СНТ «Берёзка-2», участок 47, Кунгурский район, Пермский край*.

Илья долго вертел его в руках, прихлёбывая остывший кофе.

Потом вскрыл.

3.

Внутри лежали:

— Ключ на брелке в виде пластмассовой земляники. Дешёвой, старой, с потёртостями — видимо, из девяностых. Илья повертел брелок в пальцах. Земляника была когда-то красной, но краска облупилась, обнажив белый пластик.

— Выписка из ЕГРН, заламинированная. Зачем? Кто ламинирует документы на дачу?

— Короткая записка, сложенная вчетверо.

Почерк на записке был тот же — твёрдый, без наклона, каждая буква выведена так, будто писавший боялся, что её неправильно поймут.

Илья прочитал первый раз — быстро, по диагонали, выхватывая ключевые слова. Наследство. Бабка Лида. Домик. Не продавать.

Прочитал второй раз — медленно, вникая.

«Илья. Ты меня не помнишь, и это правильно. Я — твоя троюродная бабушка по отцовской линии, Лидия Ивановна Прокофьева. Те, кто знал меня, звали бабушкой Лидой. Я умерла шестого мая этого года. Сердце. Дом в СНТ, участок 47, я завещала тебе. Не потому, что ты мне родственник. Потому что тебе это нужно. Не продавай сразу. Поживи там неделю, одну неделю, семь ночей. Потом решишь.»

Ключи только от калитки — входная дверь не запирается. Огород не трогай. Баню не топни. На реку ходи, но до острова не плавай.

Я знаю, ты думаешь, что старуха спятила. Может быть. Но ты приедь. Приедь, Илья. Л.»

Внизу, карандашом, более торопливо:

«И да: огород правда не трогай. Там лилии посажены. Не простые.»

— С ума сойти, — сказал Илья и отставил кружку.

Он перечитал письмо в третий раз. Обратил внимание на детали, которые упустил сначала: бумага была плотной, дорогой, не из обычного канцелярского магазина. Чернила — синие, но выцветшие, будто письмо написали не прямо перед отправкой, а раньше и держали в ящике несколько месяцев.

И постскрипту про лилии. «Не простые». Что это значит? Лилии — они и есть лилии. Луковичные, пахнут сильно, бывают белые и оранжевые. Какие ещё «не простые»?

4.

Он позвонил матери.

Та взяла трубку после третьего гудка. На заднем плане слышался шум цеха — мать работала на кондитерской фабрике, упаковщицей. Гул ленты, лязг автоматов, чья-то ругань.

— Илюш, ты чего так рано? — спросила она. — Опять сессию завалил?

— Мам, у меня письмо пришло. От какой-то бабушки Лиды. Она умерла и оставила мне дом в СНТ.

Мать замолчала. Так надолго, что Илья уже подумал — связь оборвалась.

— Мам?

— Я слышу, — голос матери стал другим. Более тихим, осторожным. — Лидия Ивановна. Бабка Лида. Да, я знаю.

— Ты никогда про неё не рассказывала.

— Потому что не о чем было рассказывать. Она была... странная.

— В каком смысле?

Мать вздохнула. Илья услышал, как она отошла в сторону, где шума было поменьше — видимо, закрылась в подсобке.

— Она жила одна в этом своём СНТ. Ни мужа, ни детей. Родственников сторонилась. На праздники не приезжала, телефона не было. Говорили, она... с собой разговаривала.

— С собой?

— Ну да. Сама с собой. На улице, в магазине. Могла идти и что-то шептать. Не то чтобы бред, нет. Так, разговор. Как будто кто-то рядом шёл. — Мать понизила голос. — И ещё она лечила людей. Травы там, заговоры. Только не так, как бабки обычные, а... по-своему. Ей привозили больных из города. Детей особенно.

— Помогало?

— Сказать, что помогало — врать не буду, не знаю. Но привозили. — Пауза. — А один раз она вылечила твоего отца.

Илья замер.

— От чего?

— Спина болела, годы грызли. Он к врачам ходил — бесполезно. А к бабке Лиде съездил — и через неделю забыл, что такое поясница. — Мать хмыкнула безрадостно. — Он потом к ней ещё ездил. За год до смерти. Один раз, на денёк. И ничего не рассказывал.

Илья вспомнил тот год. Отец стал замкнутым, задумчивым. Мог сидеть на кухне с чашкой чая и смотреть в одну точку полчаса. Мать тогда думала — давление. Или стресс на работе. А может, бабка Лида сказала ему что-то, что он унёс с собой в могилу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.